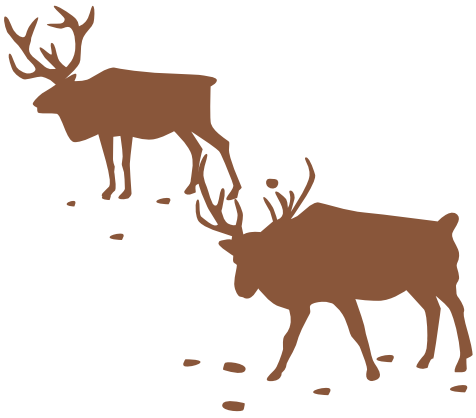
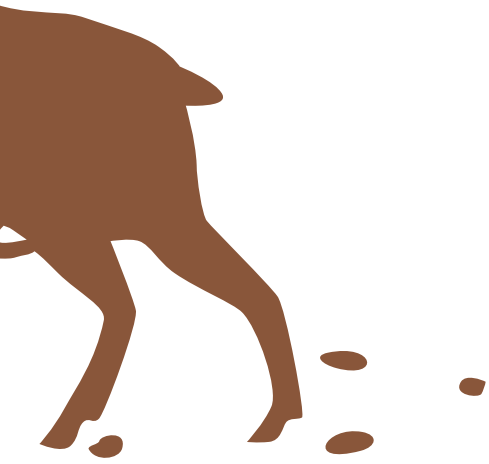


ЧУКОТКА, СЭР!





Автор: Олег Букарович Талибов, доцент кафедры терапии, клинической фармакологии и скорой медицинской помощи МГМСУ им. А.И. Евдокимова

Время действия: 2007 год.

ГОРОД ИЗ ЛЕГО

Поездка на Чукотку по восприятию сопоставима с экспедицией на Марс. Непонятно все, даже, кажется, хочется поинтересоваться составом атмосферного воздуха. На сайте отеля «Анадырь» потрясающая фраза: «Рассматривается возможность предоставления постельных принадлежностей». Невольно спрашиваешь у себя: а на сколь оно широко, трактование термина «постельные принадлежности» в отеле «Анадырь»?

Что я знаю о Чукотке: Абрамович, холодно, чукчи, олени, водка, снег, разноцветные домики и снова Абрамович. Золото, которое дешевле похоронить в вечной мерзлоте, чем оттуда его выколупывать. Стремительно спивающееся коренное население и экспансия турецких строителей. Местный сувенир – резной моржовый Х (os penis моржа – хрящ, окостеневающий к периоду случки). Пожалуй, все.

Когда-то я познакомился с доктором Толиком. Толик проходил ординатуру в Москве и, будучи представителем малого и вымирающего народа Севера, получал невероятную по тем временам дополнительную стипендию – аж двести рублей. Дополнительная стипендия помогала Толику вымирать быстрее, так как пропивал он ее в компании прихлебателей за несколько дней. Когда финансовый кризис заострялся до неприличия, Толик занимал деньги (буквально собирал их по всему общежитию, вклад прихлебателей при этом был сугубо моральным) и летел в Анадырь. На Чукотке у Толика жил дед – знатный оленевод и герой соцтруда. «Дед, дай сто рублей», – будущая надежда нации всегда проявляла скромность в запросах. Дед выезжал в тундру, где, по ему одному ведомым признакам, находил закрытый полиэтиленовой крышкой трехлитровый баллон, в котором он хранил в мерзлоте свои нереальные северные оленеводческие гонорары, после чего отсчитывал ровно сто бумажек. Доход Толика отличался от раза к разу, однако, видимо, зарплату знатным оленеводам в те времена ни рублями, ни трешками, ни даже пятерками, не выдавали.

Согласно почерпнутой в Сети информации, в Анадырь можно лететь на Боинге-747 («Трансаэро») или Ил-96 («Домодедовские авиалинии»). Раунд тикет в обоих случаях стоит что-то около сорока пяти тысяч. Вместо Ил-96 на летном поле Домодедово меня встретил Ил-62 (оказалось, что они еще летают). 29-й ряд – последний не только перед туалетом, но и перед двигателями, которые в количестве четырех штук располагаются в хвосте. Надо сказать, что оглушающе они ревут весь почти что девятичасовой полет, но на взлете пытка звуком достигает особых децибел. Туалет грязен, но часа через три запах перестает ощущаться (привыкнуть можно ко всему). Искренняя убежденность в том, что во время столь долгого перелета лучше не пить, изрядно поколебалась уже на взлете, а окончательно исчезла после того, как самолет, взвыв двигателями, попер вверх с перегрузкой, которой я никогда в жизни до этого не испытывал, а потом ухнул в долгую и глубокую воздушную яму.

Запрет на пронос в самолет жидкостей приведет к резкому росту доходов продавцов спиртного как на борту, так и в «чистых» зонах аэропортов. Бутылка «Русского стандарта» 0,375 л стоит в «Домодедово» 375 рублей – прямо по рублю за миллилитр. Кстати, на борту она обходится даже дешевле на двадцать пять рублей. За те же 350 рублей можно купить двухсотмиллилитровую бутылочку красного «Джонни Волкера», что я и сделал. Примерно во столько же обойдутся и коньяк, и вино. Алкоголь в са-

молете закончился менее чем через четыре часа после взлета (а ведь там было еще и пиво). Заскучавший народ напоследок купил и выпил литровую бутылку 12-летнего «Чивас Ригал» – цена в рублях, похоже, соответствовала разности между высотой полета в метрах и расстоянием от Москвы до Анадыря в километрах.

Однако в самолете не только выпивают, но и закусывают. Закусить приносили дважды. Первый раз в 10 вечера (это был ужин), второй раз в 2 ночи (официальное название – «завтрак»). Справедливости ради надо сказать, что к моменту завтрака в иллюминаторе было уже утро – светать «на дворе» начало примерно с полуночи по московскому времени. Запутавшийся организм спать в самолете отказывался.

Сверху Анадырь напоминает городок, построенный из «Лего» – разноцветные и невысокие домики создают впечатление игрушечности. В аэропорту преобладают желтые и голубые цвета – жовто-блакытність вообще везде, украинские патриоты могут умиленно рыдать. На летном поле несколько тяжелых бомбардировщиков Ту-160 – это невольно настраивает на серьезный лад.

Так вот, прилететь в Анадырь это еще не значит в Анадырь попасть. Город виден, но он за морским лиманом, перебираться через который, пока он не замерз, можно или на вертолете, или на барже. Отсюда и цены. Таксисты берут 500 рублей с человека (это если везут в микроавтобусе), машино-место на барже стоит от полутора тысяч рублей, баржа повезет не всякая. У некоторых организаций заключены контракты – они ждут «свои» баржи. Водитель сказал, что нам надо ждать «Шторм» или «Гром». «Шторм» приплыл через полтора часа. Ждали. К транспортным сложностям здесь вообще относятся философски. Иногда через лиман переправиться невозможно – волна. Бывает, что из-за этого люди не успевают на самолет. Да и время рейса – понятие относительное. Аэропорт может быть закрыт по нескольку дней.

Рассказали такую историю: вылетел самолет из Москвы, через девять часов, как и положено, прибыл к месту назначения. Покружил над Анадырем, но сесть не смог – погода не позволила. Пришлось садиться в Петропавловске-Камчатском. Самолет большой, пассажиров много. День сидят на Камчатке, два сидят – Анадырь не принимает. Слава богу, как-то разместили в гостинице. На третий день экипаж пассажирам говорит, дескать, улетаем обратно в Москву. Пассажиры, из числа тех, кто в Анадыре живет, забузили – не полетим, мол, будем здесь ждать. Половина осталась, половина улетела. Сидят в Москве. Анадырь закрыт. Неделя прошла – случилась летная погода. Пассажиров загрузили и полетели. Только на сей раз сразу в Петропавловск-Камчатский – тех, кто с прошлого раза там остались, забирать. Прилетели, загрузили на борт, а Анадырь опять закрылся. К счастью, на сей раз ненадолго – всего на сутки.

Если говорить о «Шторме» и «Громе» – это жутко траченные временем баржи-близнецы. Жуткие настолько, что порой непонятно, как они вообще плавают. В прошлом году, кстати, одна баржа перевернулась – неправильно отцентровали груженый грузовик. Но, к вящий радости, ко дну не пошла. Люди, побарахтавшись, взобрались на перевернутую баржу и сидели так больше часа, пока их не сняли. Вода – не больше 10 градусов. Не то что никто не утонул – никого даже в больницу класть не пришлось.

АБРАМОВИЧ ВСЕЯ ЧУКОТКИ

Абрамович на Чукотке – бог. Во всяком случае, для коренного населения. Для всех остальных – он первый после бога. Когда говорят, что чукчи поклоняются Абрамовичу, то никакого преувеличения нет. Они ему именно поклоняются. Даже детей Романами не всегда рискуют назы-

В САМОЛЕТЕ НЕ ТОЛЬКО ВЫПИВАЮТ, НО И ЗАКУСЫВАЮТ. ЗАКУСИТЬ ПРИНОСИЛИ ДВАЖДЫ

вать – вдруг божество осерчает. Впрочем, боятся не столько гнева божества, сколько того, что в один прекрасный день Большой Белый Бог забудет о подопечных, решая накопившиеся проблемы галактического масштаба. Некогда вертолет с Абрамовичем, облетая рыбацкие и оленеводческие бригады, оставлял после себя не горы объедков и недопитого алкоголя, а мешки с картошкой и сахаром. Своего рода карго-культ в дальнейшем только укреплялся, несмотря на то, что Абрамовича уже не видели. И в самом деле: божество является раз в жизни и только посвященным, тем более, что прояв-

ления божественной деятельности в виде картошки и сахара в мешках стали регулярными.

В городском музее лежит потрясающий воображение экспонат: моржовый клык с вырезанной на нем эпопеей – «Легенда об Абрамовиче». Вот голодные и холодные чукчи ловят рыбу и пасут оленей, вот с небес на золотой колеснице, то есть на вертолете, спускается божество, чукчи встречают его у трапа, вот гонцы со всей Чукотки спешат поклониться Роману Аркадьевичу, а божество встречает их у порога и приглашает зайти к себе, в Великую Яранга, вот Абрамович простирает над головами чукчей руку, и на них спускается благодать, а над тундрой начинает сиять солнце. И ничего смешного тут нет. Чукчи, между прочим, один из немногих народов, так и не допетривших до принципа колеса.

Вообще, жизнь современных обитателей Чукотки поделилась на два периода: «до Абрамовича» и «при Абрамовиче». До Абрамовича в Анадыре не было дорог, денег, а иногда и еды. Между серыми домами низко свисало клочьями серое небо, а проехать можно было только на внедорожнике. Сейчас в городе большинство улиц забетонировано, зимой расчищается снег, ходит городской автобус, дома раскрашены в разные цвета, много новых построек, принимают к оплате кредитки, есть несколько банкоматов.

Ни от одного человека я не услышал ничего нелицеприятного в адрес Романа Аркадьевича – губернатора предпочитают называть по имени-отчеству. В принципе, его успехи, похоже, считают своими успехами, яхты Абрамовича входят в состав флота Чукотки, а клуб «Челси» всерьез считается чукотской футбольной командой.

ЗАНОЧЕВАВ В ЯРАНГЕ, ВЫ РИСКУЕТЕ СТАТЬ ОБЪЕКТОМ ВОЖДЕЛЕНИЯ ЖЕНЫ ХОЗЯИНА ЧУМА

Из подслушанного: «Слышали, Роман Аркадьевич Моуринью уволил. И правильно – хватит уже нашим кому попало проигрывать». «Челси» не гастролирует по чукотским поселкам, зато чукотские молодые спортсмены в качестве поощрения иногда вывозятся в Лондон на матчи «своего» клуба.

На Чукотке не принято обсуждать, какие преференции получил их губернатор, заняв руководящий пост. Это, похоже, считается плохим тоном. С большим драматизмом говорят о том времени, когда Абрамович уйдет. Похоже, не только чукчи боятся, что рано или поздно Большой Белый Бог покинет своих людей.

Путина любят уже только за то, что он «не отпустил с Чукотки Абрамовича». Но возникает ощущение, что, если высочайшая милость сменится на высочайший гнев и будет дана команда на государственную травлю «последнего из олигархов», президент приобретет пятьдесят тысяч кровников на самом краю своих владений.

И еще из подслушанного: «Приехал бы к нам Роман Аркадьевич, отдохнул бы немного. У нас ведь, наверное, единственное место, где он без охраны куда угодно пойти может…»

ЗАКОН ЧУКОТСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА (НЕПОЛИТКОРРЕКТНОЕ)

Закон чукотского гостеприимства – это не легенда. Заночевав в яранге (я, к счастью, не очень представляю себе обстоятельства, которые могли бы заставить меня там ночевать), вы действительно рискуете стать объектом вожделения и домогательств жены хозяина чума. Более того, желательно, чтобы вы по-хорошему ответили взаимностью, по тому как в противном случае вас попытаются принудить, используя более суровые, нежели простое соблазнение, методы внушения. В маргинальной ситуации вам придется разделить постель (точнее шкуру) с самим хозяином яранги и с несколькими представителями его племени. Так что лучше уж в яранге не ночевать: политкорректность – дело тонкое.

Основы столь потрясающего гостеприимства связаны отнюдь не с широтой души обитателей Чукотки и, самое обидное, не с вашими личными качествами (мужественной челюстью, волосатой грудью, твердым чл…, пардон, взглядом и т.д.). Просто, веками обитая в своем замкнутом ареале сравнительно маленькой популяцией, чукчи заметили, что дети, отцы которых были чужаками, как правило, превосходили по многим качествам своих чистокровных сверстников. То есть колеса они не изобрели, но феномен гетерозиса описали.

Закон этот не распространяется на женщин – ведь даже если женщина забеременее-

ет, то ребенок ее окажется вне племени, так какой смысл тратить силы и семя на малоприспособленную к жизни уродину, каковой европейская женщина с точки зрения чукчи является. Впрочем, в столь стройный ход мыслей может вмешаться понятие «экзотика», а также известный тезис о том, что некрасивых женщин не бывает – бывает мало водки. Потому ночевать в яранге европейке все же не стоит. Не знаю, имеет ли закон чукотского гостеприимства обратную силу, то есть должны ли вы предлагать заночевавшему у вас чукче свою женщину. Вроде бы раньше такие основанные на культурных различиях недоразумения случались, но проворные на кулачную расправу бледнолицые быстро донесли до коренного населения тот факт, что пришлый народ в притоке генов извне не заинтересован.

В настоящее время однонаправленный генетический ручеек не иссякает благодаря наличию в Анадыре строителей из средиземноморского бассейна. Южный турецкий и сербский темпераменты не дают их обладателям спокойно проходить мимо хорошеньких чукчаночек, которые, кстати, достигают периода половой зрелости годам к двенадцати. Уже появились первые дети: папа – турок, мама – чукча, получается турча. Дети, между прочим, выходят совершенно очаровательные. Папы мамам материально помогают, хотя жениться и не спешат.

Для чукчанки родить ребенка в юном («добрачном») возрасте не является чем-то из ряда вон выходящим. Более того, родив в пятнадцать-шестнадцать лет, женщина существенно повышает свои шансы на успешное замужество: как мать она уже проверена.

По своему отношению к детям чукчи в чем-то близки к спартанцам. До сих пор случаются случаи убийства детей (не могут прокормить, мешают и т.п.), а раньше в убийстве больного и хилого ребенка никакого криминала и не видели – таким образом, вероятно, замкнутая популяция выбраковывала носителей неудачного генотипа. Это в целом отвечало интересам общества – чукчи были воинственным народом, одна только Россия сто пятьдесят лет пыталась их покорить. Кстати, свои боевые качества чукчи вспоминают в нетрезвом виде. Криминал у них в основном связан с пьяными разборками. Драчуны они отменные, а если дело доходит до ножа, то охотничьи навыки наряду с боевым опытом предков очень часто приводят к трагедии.

В местном музее один из экспонатов – костяная фигурка героя народного эпоса. Герой славен тем, что, когда его окружили враги, он первым делом убил своих жену и дочь (чтобы врагу не достались), а потом принялся и за сына. Опешив от подобного зверства, враги разбежались, а герой нравоучительно сказал чудом оставшемуся в живых сыну, показывая на трупы его матери и сестры: видишь, мол, как храбрый человек может разогнать целое воинство.

УЖЕ ПОЯВИЛИСЬ ПЕРВЫЕ ДЕТИ: ПАПА – ТУРОК, МАМА – ЧУКЧА, ПОЛУЧАЕТСЯ ТУРЧА

Привнесенная в этот регион христианская мораль о душе существенно в целом ухудшила здоровье на уровне популяции; подозреваю, что дело тут не только в алкоголе. Хотя, безусловно, и в нем. Нередки случаи, когда на акушерский пункт приходит в хламину пьяная роженица, приходит и рожает. У ребенка, понятное дело, вскорости развивается абстиненция, но и тут осуществляется естественная регуляция: та же родильница, выпивает полстакана водки, после чего кормит ребенка грудью. Необходимую порцию алкоголя младенец получает с молоком. Водку добавляют и в молочные смеси: мне описывали случай, когда ребенок погиб от передозировки алкоголем – перелили.

Ребенок котируется лишь тогда, когда он является подспорьем по хозяйству. Не очень просто в это поверить, но для многих родителей смерть маленького ребенка не является чем-то непоправимым: неприятно, но родим еще. Взрослый ребенок – другое дело. В него уже и вложено много, и отдача какая-никакая, а все же есть. Детей со стойбищ стараются изымать хотя бы на время учебы, но некоторых родители до поры до времени ухитряются прятать – должны работать, а не учиться невесть чему.

Разбавление генов происходит не только благодаря иностранцам. В Анадыре нередко встречаются пары: он – русский, она – коренная жительница Крайнего Севера. Наоборот, почему-то, не видел…